

83.3(2-411.2)6-8

Т93

СА-387613

Леся
Тышковская

Мифы Марины Цветаевой

са-384613

Репинский
Леся
Тышковская

Мифы Марины Цветаевой

✓
Санкт-Петербург

АЛЕТЕЙ

Государственное бюджетное
учреждение культуры

«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

НЕЗНАКОМАЯ МАРИНА ЦВЕТАЕВА: ЖИЗНЬ МИФА И МИФЫ О ЖИЗНИ

*«Всё — миф, так как не-мифа — нет,
вне-мифа — нет, из-мифа — так как миф
предвосхитил и раз навсегда изваял — всё»*

Марина Цветаева

*«Мистификаторство в иных устах уже
начало правды, когда же оно дорастает
до мифотворчества, оно — вся правда»*

Марина Цветаева

Автора книги Лесю Тышковскую я знаю без малого 20 лет. Я знаю ее как талантливую поэтессу, автора нескольких сборников стихов, как актрису театра и кино, певицу, мастера сценических импровизаций и прочее, не буду утомлять читателя перечислением всех дарований и талантов. Я знал, что она окончила аспирантуру филологического факультета и вполне ожидаемо получил от нее однажды автореферат кандидатской диссертации, посвященной Марине Цветаевой. Ознакомившись с ним, я попросил автора подробнее рассказать о том, что привело ее к изучению Марины Цветаевой.

Книга Леси Тышковской о мифопоэтике Марины Цветаевой, прежде чем открыться своему читателю, прошла долгий путь к своему воплощению. Первые шаги были сделаны еще в 1990-е годы. В указателе Е. Л. Кудрявцевой «Библиография по чтению, анализу и интерпретации поэтических текстов М. И. Цветаевой» указано, что первая статья Леси Тышковской о Цветаевой «Дочь Иaira. Истоки и итоги» датируется 1993 годом.

Просмотрев список ее статей, я отметил, как медленно продвигалось исследование в первые годы. Только к концу

пребывания в аспирантуре, подгоняемая приближающимся окончанием сроков, в течение трех месяцев она написала последнюю главу диссертации.

С гордостью протянув работу своему научному руководителю К. М. Пахаревой, которая все это время терпеливо ожидала окончания «творческого процесса», она с удивлением услышала законное замечание: «А где же «Введение» и «Заключение»? Еще год понадобился на обоснование актуальности, практической значимости и цели исследования, то есть того, с чего обычно многие диссертации начинают. А когда диссертант справилась с этими формальностями, обрушились новые: оказывается, диссертант ни разу не сослалась на «авторитеты», и работа походила более на эссе, чем на научно обоснованный труд.

Итак, передаю слово автору:

«Я села за самый неблагодарный труд — и пересмотрела почти всё, что касалось Цветаевой. На дворе стоял 1996 год, и исследования о мифологизме в её творчестве можно было по пальцам перечесть. Сильное впечатление произвела на меня работа Ежи Фарино «Мифологизм и теологизм Марины Цветаевой», несколько цитат из которой я включила в свой текст. Не вполне соглашаясь с выводами автора, я также учла исследование Н. О. Осиповой «Мифопоэтика лирики М. Цветаевой», которая несомненно внесла весомый вклад в изучение творчества поэта.

По иронии судьбы в списке Е. Л. Кудрявцевой много лет спустя я нашла ее же автореферат «Художественный мифологизм творчества М. И. Цветаевой в историко-культурном контексте первой трети XX века», по названию почти совпадавший с моей диссертацией «Мифологизм Марины Цветаевой в историко-литературном контексте», защищенной в том же 1998 году.

Почти двадцать лет пролежала моя рукопись, ее автор был увлечен новыми возможностями, новыми творческими амплуа. Резко ускорился темп жизни. За эти годы вышло

много книг о жизни и творчестве великой поэтессы, защищены десятки диссертаций. Большую работу в изучении жизни и творчества Марины Цветаевой проделали Вероника Лосская, Лев Мнухин, Анна Саакянц, Людмила Зубова, Нина Осипова... А моя работа терпеливо ждала, пока я окончу сочинять песни на слова М. Цветаевой, выступать с литературно-музыкальными композициями и моноспектаклем «Сны о Марине», который я успела несколько раз показать в Париже.

В Париже я познакомилась с Флораном Дельпортом, французом, волею судьбы поселившимся в доме Цветаевой в Ван-ве, который создал по своей инициативе Ассоциацию Марины Цветаевой и посвящал ей каждый свободный вздох своей жизни. Вдохновленная его энтузиазмом, я наконец решила издать то, что так долго и жадно хранила в своих архивах.

Основную часть я оставила неприкосновенной, посчитав нецелесообразным дополнять ее исследованиями других авторов, во избежание нарушения своего видения, достаточно новаторского в девяностые годы. Однако, с того времени о Цветаевой написали так много, что говорить об актуальности, новизне и практической значимости моей работы было бы нелепо.

Воспользовавшись привилегией «завершённого» времени, я решила опустить из текста то, что было насильственно внедрено: актуальность, цели и некоторые обязательные цитаты во «Введении». Цели я не преследую никакой, кроме альтруистической — поделиться идеями той, уже далекой в пространстве и времени, кто открывал для себя, с восхищением и трепетом, великого поэта двадцать лет назад».

Лесе Тышковой удалось отыскать свою, в чем-то не похожую на другие, но особенную лично свою тропинку в мир образов и звуков одного из великих поэтов XX века — в мир Марины Цветаевой. Не слишком ли это дерзновенная попытка взлома души с целью узнать ее тайны, которые сам автор оставил невысказанными? Ведь человеческая душа закрыта семью

печатами даже от самой себя. Я так не считаю. И тому, кто последует за автором этой книги откроются многие, в том числе такие простые, но прочно забытые истины, например — ценность неупотребляемого теперь в русском языке знака Ъ и связанное с этим обстоятельством количество букв в имени другого великого поэта XX века, которому Цветаева посвятила глубокий своими метафорами стихотворный цикл.

Стихи к Блоку

Имя твое — птица в руке,
Имя твое — льдинка на языке,
Одно единственное движение губ,
Имя твое — пять букв.

Игорь Савкин
Санкт-Петербург

ВВЕДЕНИЕ

Я никогда не была в русле культуры.

Ищите меня дальше и раньше.

Марина Цветаева (215,383)

Явление Марины Цветаевой настолько уникально в контексте отечественной и мировой литературы, что пользуясь ее же языком, позволительно сравнить ее с Царь-Девичей — богатыршей, литературной глыбой, одним из немногих творцов-женщин, оставивших после себя в истории искусства такой весомый след, такое богатое наследие. И несмотря на коварное вопрошание, скрытое под маской сомнения —

А может, лучшая победа

Над временем и тяготеньем —

Пройти, чтоб не оставить следа,

Пройти, чтоб не оставить тени

На стенах...

(«Прокрасться...») —

семитомное издание собрания сочинений Цветаевой, вышедшее в 1994–1995, а также многочисленные за последние годы издания неопубликованных ранее материалов свидетельствует о ее неженской плодотворности и работоспособности. «Тайный жар» души, который она считала метафорическим ключом к своей лирике, до сих пор вдохновляет многочисленных читателей и исследователей. Как писала А. Саакянц «Цветаева — это вечно познаваемая, но никогда до конца познанной быть не могущая вселенная, и каждый, кто захочет соприкоснуться с нею, всю жизнь будет открывать для себя все новые и новые ее тайны» (164,7).

Невозможно перечислить все жанры исследований о Марине Цветаевой. Здесь и «описание биографии Цветаевой-человека-женщины; воссоздание культурно-бытового и историко-литературного контекста «цветаевского» периода; изучение жизненных и творческих связей Цветаевой; литературно-критический и биог-

рафический комментарий к эпистолярному наследию Цветаевой; исследования тематических, семантических, структурных, культурологических, стилистических и прочих особенностей произведений Цветаевой, стихотворных циклов, сборников; сопоставительный анализ Цветаевой и других авторов» (53,1).

Еще до серьезного изучения творчества Цветаевой моими настольными стали книги воспоминаний Анастасии Цветаевой и Ариадны Эфрон, а также книга М. Белкиной «Скращение судеб». Чуть позже, в девяностые вышли книги М. Разумовской «Марина Цветаева: миф и действительность», В. Лосской «Марина Цветаева в жизни», «Марина Цветаева в Москве. Путь к гибели», составленная Ю. Каганом, «Версты, дали: Марина Цветаева: 1922–1939» и «Гибель Марины Цветаевой» И. Кудровой и, ставшая любимой, книга В. Швейцер «Быт и бытие Марины Цветаевой». Но наиболее полное соединение биографического и литературоведческого аспекта произошло в 1997 году в книге А. Саакянц «Марина Цветаева. Жизнь и творчество».

Невозможно перечислить всех литературоведов и критиков, писавших о Марине Цветаевой. Среди них — и ее современники (Ю. Иваск и Д. Святополк-Мирской, Адамович и Бахрах, а также поэты, связанные с ней «круговой порукой творчества» — М. Волошин, А. Белый, В. Брюсов, В. Ходасевич и др.), и те, кто писал о ней уже после ее ухода. Среди литературоведческих работ выделяются статьи М. Гаспарова и О. Ревзиной. Среди стиховедческих — работы В. Иванова, Ю. Лотмана и Е. Фарыно. К ним примыкает эссе И. Бродского «Об одном стихотворении», посвященном стихотворению «Новогоднее». Среди лингвистических наиболее полным исследованием отличаются книги Л. Зубовой. В этом аспекте о поэзии Цветаевой писали много и интересно. Поэзию и прозу Цветаевой исследовали лирики и физики, филологи и философы, психологи, социологи и теологи. Большую работу провел Л. Мнухин, издавший библиографический указатель о жизни и творчестве Цветаевой и библиографию ее произведений, а также Е. Л. Кудрявцева. В восьмидесятых годах наметилась тенденция исследования фольклорной традиции в ее творчестве (работы В. Александрова, Е. Коркиной, Л. Зубовой, М. Липовецкого, П. Червинского, С. Без-

меновой), сделавшая акцент на тех неизменных началах, корнящихся в фольклоре и мифологии, в которые проникла ее гениальная интуиция, трансформировавшая их в творчестве.

Здесь следует вспомнить, что в начале XX века в искусстве возродился интерес к мифу, сделавший возможным процесс ремифологизации в культуре, при котором миф признавался вечно живым началом, выполняющим практическую функцию в современном обществе. В статье Н. П. Крохиной «Мифопоэтизм А. Блока в контексте символического мифомышления» читаем: «В искусстве рубежа веков совершается психологическая революция — «переход от индивидуального характера к архетипическому», явленному «в поэзии А. Блока, А. Ахматовой, М. Цветаевой, О. Мандельштама» (108,520).

Возникла **НОВАЯ МИФОЛОГИЯ**, ориентированная на архаичское сознание (119,77), синтезировавшая различные мифопоэтические традиции. Фактически, это была «построенная с помощью авторской фантазии моделирующая «вторая действительность», взятая в метаисторическом плане и превращенная в фантасмагорию, за которой может стоять содержание, так или иначе относящееся к реальной истории» (107,5–6). Ее герои повторялись и дублировались, представляя собой архетипические перевоплощения души поэта (108), чем объясняется эстетика противоречия как конструктивный принцип поэтики и антиномичность вещей. Повторение же во времени отразилось на циклической концепции мира и ницшеанской концепции «вечного возвращения», поэтическим аналогом которого выступил **ЛЕЙТМОТИВ** — «символический намек на ответственность изображаемого уже бывшему ранее» (119,90).

Мифологический принцип проявлялся на различных уровнях: образном, становящимся зачастую лейтмотивным; на уровне поэтического высказывания в виде цитат и перефразировок, или реминисценций; на уровне символа-мифа, мифологической композиции, а также текста, выполняющего функцию мифа (108). Знаками и свернутыми программами целостных сюжетов и ситуаций выступили **МИФОЛОГЕМЫ** — метонимические символы, несущие в себе память о прошлом и будущем состояниях образов и на осно-

ве метафорических связей по сходству обозначающие те или иные персонажи и ситуации, актуализируя потенциально заложенные в них сюжетные значения и оказываясь программой поведения героев. Образы и сюжеты МИФОПОЭТИКИ являлись универсальными обобщениями и выявляли некие неизменные начала, выходящие за социально-исторические и социально-временные рамки, несли отпечаток космогонической мысли или воспоминание о другом мифе (107,7) и, как некий архетип, становились элементами структурирования повествования. Мифопоэтика, воплотившая в поэтической ткани произведения скрытые возможности и сущности вещей, заключающие в себе воспоминание о другом мифе, создала свою МОДЕЛЬ МИРА, для которой характерна связь синхронии и диахронии, тождество микро- и макрокосма, ведущее к антропоморфному моделированию пространства, предельная космологизированность сущего, приводящая к тому, что в роли классификаторов в системе бинарных признаков выступали основные параметры вселенной: пространственно-временные, причинные, количественные, а также этические, культурно-социальные и природно-естественные (134,II,62). Бинарные оппозиции, система мифологем и трансформированные в мифе и ритуале архетипы, являлись «основным способом описания семантики в мифопоэтической модели мира» (119). Отсюда вытекает понятие МИФОЛОГИЗМА как разновидности мышления наглядно-образного, в основе которого лежит ритуальная форма деятельности, выраженная в языке посредством мифологического тропа (121,21–22).

МИФОТВОРЧЕСТВО как форма поэтического мышления существовала как сознательная ориентация на миф и в качестве интуитивного проникновения в уже созданный мифофонд, трансформируя сюжеты и образы различных мифологий, круг которых начал расширяться за счет использования не только античной, библейско-христианской и других классических форм, но и за счет национального фольклора. С другой стороны, создавались также АВТОРСКИЕ МИФЫ, в которых наблюдается отказ от бытовой эмпирии, временной и географической приуроченности (124,II,62). В статье Ю. М. Лотмана, З. Г. Минц, Е. М. Мелетинского «Литература и мифы», где кратко описан процесс мифотворчества в рамках русской литературы рубе-

жа веков, о Цветаевой, в частности, сказано следующее: «Творчество Цветаевой нередко интуитивно проникает в самую суть архаического мифологического мышления (напр., воссоздание культово-магического образа удушенной богини женственности — дерева — луны во второй части дилогии «Тезей», блестяще подтвержденное научным исследованием греческой религии» (124, II, 63).

Приступая к изучению творчества М. Цветаевой в русле мифопоэтической традиции, о своеобразии поэтического мышления или «мифомира» (согласно Я. Голосовкеру) можно говорить особенно, так как сама Марина Цветаева в «Ответе на анкету» утверждала: «Ни к какому поэтическому и политическому направлению не принадлежала и не принадлежу» (212, 623)¹ Ее творчество занимает совершенно особую нишу в контексте поэзии серебряного века, а значит и в контексте мифа... «Все — миф, так как не-мифа — нет, вне-мифа — нет, из-мифа — так как миф предвосхитил и раз навсегда изваял — все», — напишет она в автобиографической прозе «Дом у Старого Пимена» (213, 111). Такая апология мифа позволяет вслед за Д. Е. Максимовым включить Цветаеву в европейско-русскую линию «утверждения тотального мифологизма, распространяющую понятие мифа едва ли не на всю духовную жизнь человечества» (109, 200). У Цветаевой можно найти и определение МИФОТВОРЧЕСТВА, когда в прозе «Живое о живом» она пишет о М. Волошине: «Отношение его к людям было сплошное мифотворчество, то есть извлечение из человека основы и выведение ее на свет. Усиление основы за счет «условий», сужденности за счет случайности, судьбы за счет жизни» (212, 205).

Недаром понятие мифа по отношению к Цветаевой возникает еще в начале восьмидесятых, в названии книги М. Разумовской «Марина Цветаева: миф и действительность», присутствуя там не терминологически, а экзистенциально — как другая реальность, противопоставленная действительности. В биографическом контексте, но с литературоведческим оттенком понятие мифа возни-

¹ В статье «Поэт о критике» она заявляет: «Поэтические школы (знак века!) — вульгаризация поэзии...» (213, 295).

кает в работе Т.Осиповича «Миф детства в автобиографической прозе Марины Цветаевой». О мифотворчестве Цветаевой писал и Е. Тагер, комментируя ее признание «Для меня существуют лишь две книги: «Русские сказки» Афанасьева и немецкий популярный свод античной мифологии Густава Шваба»: «не в завороченности мифологией и фольклором тут дело (и уж, конечно, не во вкусе к стилизации), а в тяге к истокам, к первозданности, к тем основам, что скрыты от обычного взгляда под толщей всевозможных напластований. И это не только черта художественного метода Цветаевой, но и существо ее мировоззрения..» (31,460).

Еще более настойчиво повторялись словосочетания «мифологическая линия», «мифологический сюжет», «мифообразующая метафора», «мифопоэтический текст» и просто «миф» в работах В.Н.Голицыной, ведущей речь об АВТОРСКОМ МИФЕ², например, в «Стихах к Блоку», которые, как замечает автор, содержат «мифологемы разных корней», связанные с универсальным христианским мифом-распятием, синтезировавшимся с национальным мифом о России. Другой «новый миф», созданный Цветаевой, МИФ О СЛАБОМ — о сыне Наполеона, герцоге Рейхштадском — раскрывался в работе Ж. Нива «Миф об Орленке». О «мифологической судьбе» «Лебединого стана» и о «цветаевском мифе, трагическом и высоком, о Белом движении» (77,160) писал О.А.Клинг в статье «Миф о «Лебедином стане» — Миф в «Лебедином стане».

Об авторском мифе пишет и И. Малинкович в статье «Своя чужая песнь «Крысолов» Марины Цветаевой», когда делает выводы относительно архетипа Поэта, образа Крысолова — «Певца», созданного Гете и подхваченного Цветаевой, и «мифологемы «голодных крыс» (110,22), которую она унаследовала от Гейне. Называя архетипом «прообраз явления», живущий «в предании, мифе, гриммовской сказке» (110,21), он делает ценное замечание: «Архетипичны у Цветаевой не только мифы и сказки. Не только Гомер и Библия, но и герои любимых авторов: Гете и Гейне, Шекспира и Пушкина, аббата Прево («Манон Леско») и Байрона, да зачастую и сами писа-

² «Цветаева каждый раз творит новый миф о поэте» (40,109).

СОДЕРЖАНИЕ

Игорь Савкин. Незнакомая Марина Цветаева: жизнь мифа и мифы о жизни	5
ВВЕДЕНИЕ	9
ГЛАВА 1. Основной миф Марины Цветаевой и его роль в формировании поэтики	21
ГЛАВА 2. Имя собственное как знак мифопоэтического сознания поэта	66
ГЛАВА 3. Трансформация книжных мифов в поэзии Марины Цветаевой	115
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	187
Список использованных источников	195

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская. 20; тел. для справок: (3532) 60-61-30**